

Гусельцева М.С. Взаимосвязь культурно-аналитического и историко-генетического подходов к изучению социализации и становления идентичности в психологии

English version: [Guseltseva M.S. The relationship of cultural-analytical and historical-genetic approaches for studying socialization and identity development in psychology.](#)

Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Рассматриваются методологические и теоретические источники становления историко-генетической и культурно-аналитической интеллектуальных традиций. Раскрывается значение мультипарадигмальной методологии в современной познавательной ситуации, приводящей к творческому обмену концептами. Сформулированы основные положения культурно-аналитического подхода к изучению социализации и становления идентичности в психологии. Источником культурно-аналитического подхода является коммуникация психологической науки с гуманитарным познанием, освоение идей герменевтики. Историко-генетический подход развивался с опорой на эволюционные идеи. Показана роль в становлении отечественной историко-генетической традиции А.А.Потебни, Л.С.Выготского, М.Г.Ярошевского.

Ключевые слова: социализация, идентичность, методология, культурно-аналитический подход, историко-генетический подход, А.А.Потебня, Л.С.Выготский, М.Г.Ярошевский

Современная познавательная ситуация как в науке в целом, так и в психологии в частности отличается мультипарадигмальностью, стремлением к интеграции универсального и уникального, глобального и локального, макроаналитики и микроистории повседневности, а также попытками сочетания самых разных подходов и исследовательских направлений. В этом контексте продуктивной представляется задача сравнительного анализа двух актуальных подходов к изучению социализации и становления идентичности на разных этапах онтогенеза. Речь идет о культурно-аналитическом и историко-генетическом подходах, которые, с одной стороны, востребованы современностью, а с другой – несут в себе определенную исследовательскую традицию.

Одной из задач сравнительного исследования является изучение и анализ источников становления культурно-аналитической и историко-генетической интеллектуальных традиций к изучению социализации и становления идентичности на разных этапах онтогенеза. Другая задача связана с выявлением взаимосвязи названных подходов и возможности их взаимной дополнительности и сочетания исследовательских стратегий в современной познавательной ситуации.

Культурно-аналитический подход в психологии: его источники, перспективы и принципы

Культурно-аналитический подход представляет собой совокупность философских, общенаучных и конкретно-научных положений, которые сквозным образом объединены рядом методологических позиций. Философскими и общенаучными *ориентирами* для разработки культурно-аналитического подхода в психологии выступают идеал постнеклассической рациональности, современная культурно-историческая эпистемология, антропологический поворот в гуманитарном познании, а также тренды открытости дисциплинарного пространства, коммуникативности и микроаналитики

[Гусельцева, 2010, 2012]. Философскими и общенаучными *источниками* культурно-аналитического подхода в психологии служат неокантианская интеллектуальная традиция в философии истории и культурно-антропологическом познании, социология повседневности, историческая антропология, а конкретно-научными источниками являются культурно-психологические исследования ученых ГАХН, петербургской школы медиевистики, а также интерпретация посредством постнеклассической оптики аналитической психологии К.Юнга и постъюнгианской психологии, сочинений К.Д.Кавелина, И.Тэна и Д.Н.Овсяннико-Куликовского [Гусельцева, 2009, 2012а], а также современное прочтение историко-аналитического подхода Г.Тарда Б.Латуром [Латур, 2006].

Тенденция к междисциплинарности и интеграции научного знания реализуется в истории науки двумя потоками: от смежных наук к психологии и от психологии к смежным наукам. Уже на этой стадии анализа мы обнаруживаем как различия, так и возможности сочетания исследовательских стратегий культурно-аналитического и историко-генетического подходов. *Культурно-аналитический подход* возникает именно в движении от смежных наук к психологии. Также в наших исследованиях было показано, что актуальные современные темы, обсуждаемые в контексте постмодернизма, истории повседневности, культурной антропологии, разрабатывались отечественными гуманитариями в конце XIX – начале XX вв. Труды К.Д.Кавелина, А.А.Потебни, Г.Г.Шпета, петербургской школы медиевистов (под руководством И.М.Гревса), Л.П.Карсавина, Н.И.Кареева, Н.В.Теплова, Г.И.Маркелова и других авторов проанализированы в качестве источников герменевтической традиции в психологии [Гусельцева, 2007]. На основе проведенного анализа нами были выделены следующие положения и принципы культурно-аналитического подхода:

- Культурно-аналитический подход, опираясь на идею постнеклассической науки о конвергенции естественнонаучного и гуманитарного знания, в большей степени ориентирован на гуманитарную методологию (исторические и антропологические науки).
- Культурно-аналитический подход исходит из предпосылки об уникальности психического развития, не отказываясь от универсальных схем, периодизаций, теорий и концепций, а рассматривая их как идеальные типы.
- Культурно-аналитический подход, принимая дифференциацию психологической реальности на отдельные психические процессы и функции, оценивает это как академическое абстрагирование и стремится изучать целостные культурно-психологические феномены в потоке и опыте повседневной жизни.
- Культурно-аналитический подход избегает жесткого деления психологической реальности на норму и патологию по отношению к феноменологии развития, исходя из установок относительности и культурного релятивизма, неоднозначности интерпретаций той или иной феноменологии (исследования о культурно-исторических формах социализации), амбивалентности/антиномичности процессов развития.
- Культурно-аналитический подход выступает как дополнительный к конструктивистским установкам культурно-исторического (Л.С.Выготский), деятельностного (А.Н.Леонтьев) и культурно-деятельностного подходов, обращая внимание на необходимость соотносить принцип вмешательства в реальность, принципы деятельностного опосредствования и формирующего эксперимента с принципами благоговения перед развитием (как перенесение философской этики А.Швейцера в психологический конструкт), принципами энтелехии и автопоэзиса (признание внутренней логики развития и права на нестандартные и оригинальные эволюционные пути).
- Культурно-аналитический подход разделяет ряд методологических принципов историко-эволюционного подхода, в частности, позволяя изучать развивающиеся культурно-психологические реальности в их изменяющихся контекстах («подвижное в подвижном») [Асмолов, 1990].
- Культурно-аналитический подход берет на вооружение принцип мотивационного анализа (А.Г.Асмолов), в частности, анализа исторической мотивации (Л.Де Моз).

- Культурно-аналитический подход принимает и разделяет следующие принципы историко-генетического подхода (принцип развития, принцип генетического анализа, принцип исторического анализа).
- Культурно-аналитический подход, опираясь на кантовскую эпистемологию мышления посредством антиномий, сочетает макро- и микроаналитические стратегии, принципы сетевого и ситуативного анализа.

Значимым источником культурно-аналитического подхода в психологии остается психоанализ, давший собственно *аналитический метод* (аналитико-детективный, основанный на клиническом анализе и «уликовой парадигме», если прибегнуть к понятию историка К.Гинзбурга [Гинзбург, 2004]). З.Фрейд, введя в психологический язык термин «психоанализ», произвел в исследовательском сознании методологический поворот, вызывающий резонанс и по сей день. От психоанализа пошла исследовательская традиция изучения человека в контексте *истории* его жизни. Целью психоанализа являлась герменевтика: помочь человеку понять самого себя, создать нарратив. Метод свободных ассоциаций был сродни литературному приему потока сознания. «...Именно Фрейд, – отмечал В.А.Лекторский, – поставил ряд проблем, которые до него в такой форме не ставились и которые оказались одними из центральных для философии и наук о человеке в XX столетии, во многом определив то, что считается их "неклассическим" характером» [Лекторский, 2001, с. 90]. Что же это были за проблемы, позволившие назвать психоанализ З.Фрейда *неклассическим поворотом* в психологии? Во-первых, проблема *непрозрачности Я* для самопознания. Хотя З.Фрейда нередко и упрекали в рационализме, сам он признавал, что бессознательный слой психики не может быть рационально отрефлексирован. Во-вторых, проблема *многослойности психики* и проистекающих отсюда противоречий внутренней жизни. В-третьих, это была очередная попытка *вывести психику не только за пределы сознания, но и в сферы истории, социума и культуры*.

Для наших задач именно последнее представляет наибольший интерес. Поэтому рассмотрим, что представляет собой культурно-психологическая концепция З.Фрейда. Психика здесь представляла как единство сознательных и бессознательных, природных и культурных процессов, по определению приводящих к конфликту человеческой природы и социокультурных ценностей. Психоанализ занимался раскопками психики – на свой лад, археологическими, историческими. Аналитико-детективный метод З.Фрейда заключался в следующем: сбой (знаки) в работе психики требовали их расшифровывать (как текст). Именно таким образом были выделены разные слои психики. Предметом анализа выступило *переживание* как связь человека с миром. В учении З.Фрейда парадоксальным образом оказались соединены термодинамика и герменевтика. Вся душевная, психическая жизнь человека представляла в его концепции в виде энергетической модели, однако смыслы бессознательного не подчинялись причинному объяснению, а подлежали искусству интерпретации. В.А.Лекторский обратил внимание, что З.Фрейд «показал возможность такого знания, которое, не будучи естественнонаучным в привычном смысле этого слова, вместе с тем не разделяет особенностей классического гуманитарного знания» [Лекторский, 2001, с. 92]. Хотя З.Фрейд и называл психоанализ наукой, это была метапсихология. Будучи субъективно окрашенной научной фантазией мастера, психоанализ тем не менее вдохновил и продвинул психологию и культуру в познании человеческой сущности гораздо значительнее математически достоверного закона Вебера–Фехнера.

Постнеклассический тип рациональности устранил непримиримые противоречия наук о природе и наук о духе [Стёпин, 2000], но первая половина XX в. еще грешила в психологии однозначными выводами и присваиванием ярлыков. Так, З.Фрейда считали творцом мифа-психоанализа и детерминистом. Г.И.Челпанова записали в представители идеалистической психологии, «реакционеры» и «культуртрегеры» (см.: [Выготский, 1982, т. 1, с. 358, с. 361, с. 370]). На некорректность упрощенной трактовки философских концепций, свойственной даже не столько заидеологизированному советскому, но позитивистскому дискурсу в целом, указывал М.К.Мамардашвили, сформулировавший методологический принцип «презумпции ума» [Мамардашвили, 1994].

Пытаясь строить психоанализ по модели естествознания, З.Фрейд в реальности погружал психологическую проблематику в широкие философские (Ф.Ницше, А.Шопенгауэр, философия жизни), а также историко-культурные и художественные контексты. В работе «Тотем и табу» методы

аналитической психологии он применил к психологии народов. Важными культурно-психологическими работами З.Фрейда стали «Массовая психология и анализ человеческого Я», «Будущее одной иллюзии», «Неудовлетворенность культурой». Однако встреча культуры и психики в концепции З.Фрейда оказалась попыткой подчинить культурно-исторический материал готовым теоретическим положениям, что было в духе неклассической рациональности в целом. В этом отношении недалеко ушел от З.Фрейда и современный психоанализ, обращающийся к проблемам культуры (см., например: [Naiman, 1997]). Не претендуя на завершенную культурно-психологическую концепцию, З.Фрейд тем не менее обратил внимание на особенности формирования личности в культуре, что в дальнейшем вылилось в разнообразие психоаналитических подходов внутри культурной антропологии.

Современники отказывали психоанализу в статусе науки, поскольку он выходил за парадигмальные рамки классической научности. Это была *неклассическая* наука. Сам З.Фрейд так не рефлексировал, будучи человеком позитивистской эпохи, однако историки науки, следуя завету одного из творцов герменевтики Ф.Шлейермахера, стремились понимать З.Фрейда лучше, чем он сам себя понимал. М.К.Мамардашвили в лекциях о психоанализе отметил, что З.Фрейд говорил языком метафор. Потому что иначе и сказать-то нельзя. Суть терминотворчества как эвристики [1] может быть передана максимой Ф.Ницше: «Что такое оригинальность? – Видеть нечто такое, что не носит еще никакого имени и не может быть еще названо, хотя и лежит на виду у всех. Как это водится у людей, только название вещи делает ее вообще зримою. – Оригиналы, большей частью, были и нарекателями» [Ницше, 1990, с. 621]. Терминотворчество в психологии возникает потому, что зачастую наука имеет дело с безымянной реальностью: *чтобы заметить и истолковать психологический факт, следует дать ему имя*. Если же метафоры трактуются буквально, а не как «ловушки для знания», тогда возникает не только непонимание оригинальных концепций, но и навешивание ярлыков. Однако это не столько проблема внятности самого З.Фрейда, сколько негерменевтичности и неконгениальности его интерпретаторов [Мамардашвили, 1994].

Таким образом, логика разворачивания культурно-аналитического исследования ведет к необходимости дифференцировать реальности и давать имена разнообразию миров культуры, психологическим состояниям, культурно-психологическим феноменам, в том числе непосредственно непереводаемым из одной семиотической системы в другую. Культурно-психологических реальностей гораздо больше, чем существующих для их обозначения терминов (поймать психологическое состояние в слове – значит им овладеть). Именно посредством терминотворчества обнаруживаются в науке новые, доселе незримые, неочевидные реальности.

Писатель Э.Лимонов обратил внимание на З.Фрейда как на назывателя, который как бы «наклеил этикетки» на реальность: «Часть его выкладок, возможно, неверна. Ну и что с того? На самом деле он проделал крайне важную для человечества работу: дал названия некоторым инстинктам и желаниям, некоторым движениям и отвращениям, организовал сексуальный мир» [Лимонов, 2004, с. 205]. «Ведь если поколения естествоиспытателей – Бюффон, Линней, Дарвин и иже – в поте лица своего классифицировали животный и растительный миры, то внутренний мир человека был до Фрейда неопознанным и неназванным» [Там же]. Отметим также, что терминотворчество является одной из ведущих проблем современной психологии, имеющей дело с *текущей социализацией* (как удачно выразилась Т.Д.Марцинковская, не без влияния навеянного З.Бауманом образа «текущей современности» [Бауман, 2008]) в непрерывно изменяющемся мире.

Среди важных источников культурно-аналитической традиции следует отметить также методологические идеи В.Дильтея, Г.Тарда, М.Вебера, К.Юнга, Р.Барта и М.Фуко. Однако детальный анализ этих источников требует отдельной статьи. Если культурно-аналитический подход в большей степени ориентировался на гуманитарное познание, то историко-генетический подход присматривался к биологическим и социальным наукам.

Историко-генетический подход зарождался в движении как от исторических и биологических наук к психологии, так и от психологии к смежным наукам. Наиболее полными выразителями историко-генетической методологии в отечественной психологии явились концепции А.А.Потебни, Л.С.Выготского и М.Г.Ярошевского.

Историко-генетический подход в психологической науке: его источники и перспективы

Важную роль в становлении историко-генетического подхода в психологии сыграла *эволюционная эпистемология*. Эволюционизм явился первой методологической парадигмой британских культурно-психологических исследований социализации и становления идентичности на разных этапах онтогенеза. В основе эволюционной эпистемологии лежали методологические представления об универсальности законов развития культуры и психики, конструирование описывающих эти законы теоретических моделей. Наиболее яркое выражение данная парадигма нашла в работах Л.Моргана, Г.Спенсера, Э.Тайлора и Дж.Фрезера. Источником эволюционной методологии в психологии послужили теория Ч.Дарвина, учение Г.Спенсера, а также ряд идей английских просветителей. (Следует, однако отметить, что представители культурной антропологии Ф.Боас, Р.Бенедикт и Э.Сепир, придерживающиеся иного методологического направления – опытно-фактологического, – в своих трудах резко критиковали взгляды эволюционистов. Полемизировала с эволюционистами и *культурно-историческая школа*, возглавляемая Ф.Гребнером.)

Придерживаясь установок позитивизма, автор 10-томного труда «Система синтетической философии» («Принципы биологии», «Принципы социологии», «Принципы психологии», «Принципы этики») **Герберт Спенсер** (1820–1902) создал философию эволюции, всеобъемлющее эволюционное учение. Эволюция трактовалась им как всеобщий закон развития, который включал в себя пять принципов и три свойства: все однородное неустойчиво и стремится перейти в разнородное (принцип разнообразия); в ходе развития увеличивается число следствий (принцип разрастания последствий); однородные элементы стремятся сгруппироваться в целое (принцип группировки); принцип уравнивания противоположностей ведет к постепенному затуханию тех или иных процессов; мироздание развивается ритмично (принцип ритма). Согласно первому свойству эволюции, развитие носит закономерный характер, суть эволюции в непрерывном изменении и перераспределении вещества. Из второго свойства, согласно которому материя имеет атомарно-корпускулярную природу, следовало правило редукции: на основании анализа единицы возможно реконструировать целостную структуру. Третье свойство гласило: эволюция происходит путем медленных постепенных изменений [Спенсер, 1914].

Общие законы эволюции Г.Спенсер применил к постижению мироздания в целом: повсюду во вселенной развитие идет от рассеянного к интегрированному (принцип концентрации); от однородного к разнородному (принцип дифференциации); от неопределенного к определенному (принцип индивидуализации). Понять психику возможно лишь в развитии, а психическое развитие, в свою очередь, следует рассматривать с точки зрения взаимодействия дифференциации и интеграции. В «Принципах психологии» Г.Спенсер показал закономерность появления психики на определенном этапе эволюции и выявил ее эволюционный смысл – служить механизмом адаптации организма к среде [Спенсер, Циген, 1998]. *Исследовательская программа Г.Спенсера явилась методологическим прорывом для объективного психологического изучения: провозгласив предметом психологии ассоциацию «внешних и внутренних форм», он предложил судить об уровне развития психики по характеру внешнего поведения.* Таким образом, картина возрастающей сложности эволюции поведения (рефлекс, инстинкт, навык, волевое поведение) позволяла судить об эволюционном уровне психики (ощущение, восприятие, память, мышление). Данная схема методологического анализа впоследствии легла в основу как деятельностных, так и бихевиористских подходов в психологии.

Считая эволюционную методологию универсальной, Г.Спенсер распространил ее не только на психологию, но и на изучение общества. В его социологии дала о себе знать так называемая *органическая метафора*: общество трактовалось как организм, индивиды – клетки в организме, а социальные институты – органы. (Так, он выделил три системы органов: поддерживающая, распределительная, регулятивная.) Несмотря на позитивистскую установку, Г.Спенсер весьма скептически оценивал возможности вмешательства как в социальное, так и в психическое развитие, полагая, что все развивается само собой [Спенсер, 1914].

Постулаты эволюционизма как исследовательской парадигмы сводились к следующему: начиная с кроманьонца, природа человека повсюду одинакова; развитие идет от низшего к высшему, и в нем можно выделить определенные стадии; европейский путь развития культуры универсален. В

дальнейшем эти положения (в частности, в этнографических и психологических исследованиях) были подвергнуты справедливой критике (см., например: [Коул, 1997; Miller, 1999; Shweder, 1991]). На смену классической эволюционной эпистемологии пришла более гибкая и сложная эпистемология глобального эволюционизма [Стёпин, 2000].

Значимую роль в развитии историко-генетической эпистемологии XX в. сыграли работы постпозитивистов – С.Тулмина, К.Поппера, М.Полани, И.Лакатоса, П.Фейерабенда. Эти труды выступили философскими ориентирами развития современного историко-генетического подхода (см.: [Марцинковская, 2012]). Так, например, **Стивен Тулмин** (1922–1998) предложил исследовательскую программу, показавшую историческую относительность и смену стандартов рациональности в науке. Выстраивая идеальную модель эволюции научного знания, он ввел ряд оригинальных понятий, таких как «матрица понимания», «рациональная инициатива», «концептуальный (дисциплинарный) отбор», «интеллектуальная среда» [Тулмин, 1984]. Эволюция научного знания предполагает баланс методологических установок, сочетание в *истории идей* преемственности и изменения, для поддержки интеллектуальных нововведений в культуре должны оставаться «экологические ниши», а успех рациональных инициатив зависит от особенностей культурно-исторической ситуации развития науки.

Среди конкретно-научных *отечественных источников историко-генетического подхода* особое место занимают сочинения А.А.Потебни. **Александр Афанасьевич Потебня** (1835–1891) был одним из тех, кто впервые заявил о необходимости использования *историко-генетического метода* при анализе психических феноменов [Марцинковская, 1994]. Ученый также развивал *идеи опосредования* знаками психического развития, роли слова как орудия мысли, отличающего человека от животных, невозможности понять развитие личности вне анализа культурно-исторического контекста. Он настаивал на необходимости сближения психологии с языкознанием, обосновывая преимущество сравнительных и исторических методов исследования. «...Психология народов должна показать возможность различия национальных особенностей и строения языка как следствие общих законов народной жизни» [Потебня, 1993, с. 39].

Именно история языка, согласно А.А.Потебне, способна раскрыть нам тайны становления человеческой мысли. Если допустить сходство грамматических категорий и категорий мышления, структуры предложения и заключенной в предложении мысли, то анализ исторической типологии предложений приведет нас к исторической типологии мышления [Потебня, 1989]. *Язык также выступает посредником между психикой человека и культурой.* Практикуя «семасиологический» (о термине см.: [Шпет, 1996, с. 307]) анализ, он предлагал *высвечивать сознание через язык.* (Заметим, что методологически этот прием сходен с принципом единства сознания и деятельности С.Л.Рубинштейна). Развитие некоторых идей А.А.Потебни нашло отражение в исследовании моделирующих систем тартуско-московской семиотической школой (см.: [Б.А.Успенский, 1965]), представление же о *языке как посреднике между психикой и культурой* оказалось развито в социальном конструкционизме и постструктурализме.

В статье 1910 г. «Психология поэтического и прозаического мышления» А.А.Потебня поделил науки на две категории – изучающие человека и «внешнюю природу». Первые (гуманитарные) науки, что бы ни изучали, невозможны без исторического анализа. Например, такая наука, как психология, есть «история душевных явлений, процессов в пределах жизни личной или народной» [Потебня, 1989, с. 201]. В последней четверти XX в. к аналогичным идеям пришел представитель социального конструкционизма К.Джерджен [Джерджен, 1995]. Подобно Т.Куну, но на другом концептуальном языке А.А.Потебня развивал мысль о «линзах», через которые люди смотрят на мир. (Сходную метафору применяла и Р.Бенедикт [Бенедикт, 2004]).

Важно отметить, что А.А.Потебня не противопоставлял человека природе, а рассматривал его как ее продолжение. Отсюда следовал эпистемологический вывод: изучение природы «есть изучение произведений человеческого духа, так как оно выражается в непрерывном изменении взглядов человека на природу. А если так, то изучение природы (внешней) не противоположно изучению человека (хотя, конечно, отлично от него), равно как и история природы не противоположна истории человека» [Потебня, 1989, с. 208]. (Это рассуждение созвучно идеям позднего С.Л.Рубинштейна, изложенным в труде «Человек и мир».) Вывод А.А.Потебни звучит вполне в духе современной постнеклассической науки, которая пришла к идее о стирании границ естественного и гуманитарного

знания: «...в некоторой области гуманитарных наук исчезает и та доля противоположности их наукам естественным, которая, на первый взгляд, кажется несомненной» [Потебня, 1989, с. 207].

Проблема соотношения мышления и речи, мысли и языка («Мысль и язык» – название одной из его работ) занимала А.А.Потебню на протяжении всей жизни. Слово он рассматривал как «средство объективировать свою мысль». Однако слово служило не просто инструментом выражения готовых мыслей, но являлось «средством преобразовать впечатление для создания новой мысли» [Там же]. Сравнивая представления А.А.Потебни с положением Л.С.Выготского о том, что «мысль совершается в слове», отметим, что фактически последний претворил идеи А.А.Потебни в экспериментальную психологию. А.А.Потебня подчеркивал, что язык развивается исключительно в обществе и «другая сторона жизни слова состоит в его понимании слушающим» [Там же]. Но всякое понимание есть в то же самое время и творчество, создание собственной мысли. Люди занимают в социокультурном пространстве разные позиции и смотрят на предметы с разных ракурсов и в разные времена, чувственные образы слов у людей также различны.

А.А.Потебня задавался вопросом, каким образом в слове преобразовываются «дословесные элементы мысли»? Ни в истории, застающей человека уже говорящим, ни в онтогенезе не удастся проследить, как «период речи» сменяет «период бессловесности», хотя наблюдения такого рода помогли бы в создании умозаключений «относительно первобытного человечества» [Потебня, 1989, с. 214]. В поисках ответа на поставленный вопрос он предлагал совершить своего рода феноменологическую редукцию, чтобы понять, что есть в мысли до слова. (Л.С.Выготский, рассматривая вопрос о генетических корнях мышления и речи, использовал иные методические средства – генетический анализ и формирующий эксперимент). Влияние идей А.А.Потебни на концепцию Л.С.Выготского заслуживает отдельного исследования и было предпринято М.Г.Ярошевским [Ярошевский, 1946, 1993].

Следующим крупным источником историко-генетического подхода выступило учение **Льва Семеновича Выготского** (1896–1934). В отечественной психологии было принято отождествлять культурную психологию с культурно-исторической концепцией Л.С.Выготского. На некорректность подобного отождествления одним из первых указал М.Г.Ярошевский, напомнив, что сам Л.С.Выготский считал свой подход в психологии *инструментальным* и *психотехническим* [Ярошевский, 1992]. Предваряя «Этюды по истории поведения», Л.С.Выготский и А.Р.Лурия писали, что главная идея их очерков – *идея развития*. В развитии человека они выделяли три основные линии – эволюционную, историческую и онтогенетическую. Свои очерки авторы рассматривали как первый шаг на пути к «генетической психологии как науке». В.П.Зинченко отмечал, что Л.С.Выготский и его последователи, совершив прорыв за пределы психического, тем не менее разрабатывали не столько культурно-историческую, сколько *социально-историческую* психологию [Зинченко, 1997]; еще точнее сказать: *социально-генетическую*. М.Г.Ярошевский также заметил, что в плане *разнообразия культур* «...ни Культура, ни История не представлены в исследованиях школы Выготского... Ведь в ней психические процессы рассматриваются вне их обусловленности данной конкретно-исторической эпохой и вне динамики изменений, претерпеваемых ими в разных культурах» [Ярошевский, 1992, с. 92].

Таким образом, ведущим в исследовании Л.С.Выготского стало не разнообразие человеческих культур, а генетический анализ психических функций и их *инструментальность* (что, собственно, и отличает историко-генетическую традицию от культурно-аналитической). Люди, писал Л.С.Выготский, трансформируют свои натуральные задатки и функции, овладевают ими и изобретают новые, культурные формы поведения. Он также полагал, что недостаток фактов «относительно исторических изменений человеческой природы» препятствует «историческому развитию психологии человека». Причем мифы, тексты и предметы искусства не рассматривались Л.С.Выготским как материал для исторической психологии, а источником таковой ученый считал изучение «примитивных народов», в условном смысле «стоящих на низших ступенях культурного развития» [Выготский, 1983, т. 3, с. 68].

Остановимся более подробно на *источниках теоретических воззрений Л.С.Выготского*. Свою роль здесь сыграл интеллектуальный климат отечественной культуры рубежа XIX–XX вв., а также близость Л.С.Выготского к литературоведению. Так, В.П.Зинченко, возражая против мистификации феномена Л.С.Выготского, указывал на определенную закономерность его появления в российской

науке. В том жизненном контексте, который Н.А.Бердяев называл «культурным возрождением», имея за плечами филологическое образование и находясь в потоке идей, из которого насильственно оказались выбиты Г.И.Челпанов, Г.Г.Шпет, П.А.Флоренский и другие выдающиеся мыслители, Л.С.Выготский просто не мог обойти в своих трудах категорию культуры. *К этой категории уже самой логикой своего развития шла российская психология* [Гусельцева, 2007]. Логика развития науки стала тем контекстом, который определил культурно-историческую направленность психологии Л.С.Выготского. Иное дело, что в сложившихся исторических обстоятельствах культурно-историческая эпистемология вряд ли могла бы полностью реализоваться. Историко-генетический подход оказался более подходящей интеллектуальной формой для развития идей о психике и культуре.

Важным источником психологии Л.С.Выготского явилась отечественная культура и гуманитарная наука, в частности, концепция А.А.Потебни. Однако «Л.С.Выготский усвоил уроки не только А.А.Потебни, но и его критиков, считавших, что последний психологизировал язык, тогда как он представляет собой систему знаков и форм» [Ярошевский, 1993, с. 60]. Идея интериоризации – основная идея культурно-исторической школы – в разных вариантах разрабатывалась как А.А.Потебней и И.М.Сеченовым, так и французскими психологами (как говорится, витала в воздухе).

Следующим источником творчества Л.С.Выготского стал контекст развития мировой культуры и психологии, в частности, французская психологическая школа, критический анализ исследований гештальтпсихологов и бихевиористов, Ж.Пиаже и А.Адлера. Анализируя идею сверхкомпенсации в учении Л.С.Выготского, А.М.Эткинд отметил, что «словесная оболочка была заимствована у А.Адлера» [Эткинд, 1993а, с. 39], однако Л.С.Выготский дополнил А.Адлера «своей излюбленной оппозицией между природой и культурой» [Там же. С. 40]. Коммуникативный аспект эволюции знания вышел на передний план в постнеклассической науке. Творческому стилю Л.С.Выготского, несомненно, была присуща *диалогичность*. Возможно, его концепция стала отражением собственной индивидуальности: главное в ней – общение, развитие личности посредством коммуникации. Напротив же, творческому стилю К.Юнга был свойственен аутизм, и его концепция – плод личного путешествия по океану бессознательного, а основной механизм развития в ней – индивидуация. Другим источником творчества Л.С.Выготского явились исследования лингвистов и антропологов. Так, Ж.Карпей отмечал, что концепция Л.С.Выготского представлялась ему плодотворной разработкой психолингвистической модели К.Бюлера и Р.Якобсона, также у Л.С.Выготского Ж.Карпей услышал «эхо» высказывания М.М.Бахтина: жить – значит коммуницировать [Carpay, 1987].

Еще одним значительным источником творчества Л.С.Выготского послужили труды отечественных представителей естественнонаучного направления. Среди них особое место занимает фигура В.А.Вагнера (1849–1934), который был продолжателем исследовательской традиции Г.Спенсера, создателем отечественной сравнительной психологии и с которым Л.С.Выготский состоял в переписке [Петровский, 1993].

Исследовательская программа В.А.Вагнера была сформулирована в диссертации «Биологический метод в зоопсихологии» (1902) и в труде «Биологические основания сравнительной психологии» (1910). Он опубликовал девять выпусков «Возникновения и развития психических способностей», в которых были отражены результаты его исследований психического развития детей в игре, обнаружено возрастное увеличение разнообразия игр, показана формирующая роль игры, высказаны идеи об обучении детей в игровой форме. Его интерес к эволюции психики выразился в разработке *сравнительно-генетического подхода*. В.А.Вагнер также предложил перейти в анализе от чистых аналитических линий к смешанным и выделил филогенетический, онтогенетический и индивидуальный (внутривидовой) анализ психики.

Важной вехой развития идей Л.С.Выготского стала психологическая экспедиция в Среднюю Азию, осуществленная в 1930-х гг. А.Р.Лурией с целью «доказать... что все психологические процессы имеют исторический характер, не по догадке, а в конкретном эксперименте» [Лурия, 1994, с. 60]. К сожалению, отечественная культурная психология ввиду сгущающихся туч тоталитаризма ограничилась лишь полевыми исследованиями в Средней Азии и, не получив свободного развития на родине, стала вдохновителем ряда зарубежных социокультурных направлений Запада. В статье «Л.С.Выготский и современная психология развития» Дж.Верч и П.Тулльвисте проследили, какие идеи

Л.С.Выготского оказались востребованы психологией развития и каким образом эти идеи могут быть расширены, благодаря их включению в современные контексты теоретических достижений социальных и гуманитарных наук [Wertsch, Tulviste, 1992]. Два положения теории Л.С.Выготского представляются авторам статьи наиболее значимыми в этом отношении – идеи о социальном происхождении высших психических функций и использование генетического метода и формирующего эксперимента.

Идея Л.С.Выготского о социальном происхождении индивидуальной психики нашла отражение в *общем генетическом законе культурного развития*. Следуя призыву М.К.Мамардашвили называть вещи своими именами, отметим, что речь здесь идет не столько о культурном, сколько о социальном развитии. Понятие культуры употреблялось Л.С.Выготским в абстрактно-универсальном, а не в специфическом смысле. Культурное развитие поведения, согласно Л.С.Выготскому, представляло собой «внутренние изменения того, что дано природой в естественном развитии поведения» [Цит. по: Леонтьев, 2001, с. 73]. Психика расширяет свои границы благодаря использованию медиаторов – культурных средств. Человек всегда действует социально, все его поведение обусловлено и организовано культурными орудиями. В своем психическом развитии человек порождает культуру. В «Этюдах по истории поведения» Л.С.Выготский и А.Р.Лурия исследовали «поворотные, критические этапы развития» – употребление орудий обезьянами, знаков примитивным человеком, раздвоение линии развития ребенка на натурально-психологическое и культурно-психологическое [Выготский, Лурия, 1993]. Следует отметить, что в начале XX в. слова «примитивный» и «первобытный» нередко использовались как синонимы. На наш взгляд, это было связано не столько с евроцентризмом [Wertsch, Tulviste, 1992], сколько с тем фактом, что отечественные ученые хорошо владели иностранными языками, а во французском языке *primitive* означает и примитивный, и первобытный.

Выделение двух линий в психическом развитии, вступающих между собой во взаимосвязь и видоизменяющих друг друга, – культурной и натуральной – до сих пор вызывает дискуссии. На это слабое звено в концепции Л.С.Выготского неоднократно указывал А.В.Брушлинский [Брушлинский, 1994], сопоставляя подход Л.С.Выготского с подходом С.Л.Рубинштейна. Однако в свете методологических идей М.Вебера выделение натуральной и культурной линий развития сегодня может быть расценено как дань идеальному моделированию культурно-психологической реальности.

Гораздо важнее реконструировать, что разумели Л.С.Выготский и А.Р.Лурия под культурой и «историческим характером психологических процессов». (На наш взгляд, культура в этом контексте сводилась к социализации и образованию, а «исторический характер психологических процессов» отождествлялся с психотехническим). Дж.Верч отмечал, что, несмотря на очевидную роль, которую играют в концепции Л.С.Выготского культурные средства, *его представление о более общей категории культуры осталось неразвитым*. Из текстов Л.С.Выготского можно лишь понять, что культура для него есть продукт социальной жизни людей и человеческой деятельности [Wertsch, 1992]. Анализ ссылок в работах Л.С.Выготского показывает, что он был знаком с общими теориями культуры, развивавшимися в то время социологами, антропологами и другими авторами. *Однако он не считал теории культуры главной стороной в своих работах*. Культура в понимании Л.С.Выготского была связана с семиотическими посредниками – знаками – и их ролью в психическом функционировании человека. Дж.Верч также показал, что Л.С.Выготский склонялся к эволюционному объяснению культуры, что не обошлось без влияния таких фигур, как К.Маркс, Г.Спенсер и Э.Тайлор [Там же].

Пересматривая в современном контексте исследования Л.С.Выготского и А.Р.Лурии 1930-х гг., П.Тулвисте, М.Коул и С.Скрибнер отмечали, что более корректно интерпретировать действия испытуемых в понятиях ситуативных требований задачи, нежели общего уровня интеллектуального развития или культуры, поскольку отличия, полученные в ходе экспериментов, можно объяснить разнообразием опыта и деятельности, особенностями институциональных установок, формальным обучением [Scribner, Cole, 1981].

Представители историко-генетического подхода, продвинувшиеся в изучении того, как культура порождает те или иные психические процессы и какова роль культуры в развитии психики, как правило, оставляли без внимания другую сторону вопроса, а именно, *как индивидуальность порождает новые культурные эпохи и миры*. Восполнить эти пробелы, на наш взгляд, помогает обращение к культурно-аналитическому подходу [Гусельцева, 2007], а также встреча культурной

психологии с постмодернистской критикой (см.: [Miller, 1999; Shweder, 1991, 1995]). Так, *концепция создаваемого в человеческой коммуникации интенционального мира Р.Шведера, трактующая культуру и личность как онтологическое и гносеологическое единство, делает некорректным изучение личности в отрыве от культуры, равно как и культуры в отрыве от личности.*

Историко-генетическая методология М.Г.Ярошевского

Методологическое (парадигмальное) оформление идеи историко-генетического подхода получили в трудах М.Г.Ярошевского [Ярошевский, 1993, 1995, 1996]. Следует обратить внимание, что М.Г.Ярошевский придал историко-генетическому подходу многомерность, распространив его принципы на сферы науковедения, социокультурного анализа, историю становления и развития научных школ. Историко-генетический подход к психологии научного творчества обрел стереоскопичность благодаря сконструированной сети оригинальных понятий: идеогенез, внутренняя мотивация, надсознательное, социальная перцепция, категориальная апперцепция, когнитивный стиль, оппонентный круг.

Отметим также, что начиная с 1960-х гг. в психологическую науку активно добавлялось историческое измерение анализа (см.: [Лурия, 1971, 1974]). М.Г.Ярошевский же обратился как к анализу психологических идей и категорий науки, так и исследованию научного творчества ученых. Ученого, исследователя, «человека науки» он рассматривал в качестве «исторической фигуры», показывая, что «жизнь человека науки дана в трех координатах – познавательной, социальной и личностной» [Ярошевский, 1995, с. 9]. Познавательная координата получила название предметно-логической. М.Г.Ярошевским был сформулирован **принцип идеогенеза**: онтогенез ученого предполагает краткое прохождение им филогенеза (диалектика коллективного и индивидуального познания). «...Входя в мир науки, ученый осваивает в онтогенезе своего творчества филогенетически сложившуюся логику научного познания» [Там же. С. 13]. Эта логика подразумевает следующий методологический инструментарий: объяснительные принципы (принцип детерминизма, принцип системного и принцип развития) и категории науки.

Подобно тому, как А.Я.Гуревич выделил категории средневековой культуры, чтобы на их основе реконструировать ментальность человека культурно-исторической эпохи средневековья, М.Г.Ярошевский обратился к категориям психологической науки как фундаменту, лежащему в основе как ментальности ученого, представляющего то или иное исследовательское направление, так и собственной научной школы или подхода. Были выделены следующие психологические категории: образ, действие, мотив, личность. Решая проблему диалектики универсального и уникального, макроаналитики и микроанализа, он показал, как психологические универсалии (инварианты) обретают в конкретных культурно-исторических ситуациях вариативность. По отношению к категориальной системе оцениваются и достижения ученого: насколько он воплотил категориальный строй науки в собственном подходе. «Предмет психологии дан в системе ее категорий» [Там же. С. 31].

Социальная координата научного творчества раскрывается в диалектике когнитивного и коммуникативного (связь ученого с научным сообществом и его включенность в современную познавательную ситуацию). Для раскрытия личностно-психологической координаты М.Г.Ярошевский ввел понятие «надсознательное». Если «подсознательное», ассоциированное с психоаналитической традицией, подчеркивало детерминированность деятельности ученого прошлым, то «надсознательное» учитывало детерминацию «потребного будущего».

Научное наследие И.М.Сеченова (генетический метод, идеи интериоризации), А.А.Потебни и Л.С.Выготского (историко-генетический метод) стало предметом особого исследовательского интереса М.Г.Ярошевского [Ярошевский, 1946, 1981, 1992, 1993, 1996]. О психологии Л.С.Выготского он писал: «Его теорию назвали культурно-исторической. Он действительно заложил основы объяснения развития психики факторами культуры (сперва знаковыми системами, затем преобразованием значений в онтогенезе). Но это не придало его концепции смысла специального анализа развития психики в различные исторические периоды» [Ярошевский, 1995, с. 144]. «Еще хуже обстоит дело, когда деятельность в целом возводят в ранг особой психологической категории, ибо в действительности она является социоисторической системой. Редуцировать ее к

психологическим схемам – значит лишить психологию преимуществ, которые приобретает исследование психики благодаря исходящим не от нее, а от деятельностного подхода принципам историзма и социокультурной детерминации» [Ярошевский, 1995, с. 144–145]. Согласно М.Г.Ярошевскому, психология науки – «направление, изучающее современную ситуацию сквозь призму исторического опыта» [Там же]. Система выделенных координат и сеть вышеназванных понятий позволили ему создать особую область исследований – **историческую психологию науки**.

Аналогичным образом культурно-аналитический подход, представленный в качестве исследовательской программы, претендует на разработку такой области исследований, как **психология культуры**. Культурно-аналитический подход конструирует сеть понятий, с одной стороны, очерчивающих данную область исследований, а с другой – позволяющих психологии свободно коммуницировать со смежными науками. Обращаясь к таким терминам, как ментальность, личность, индивидуальность, неадаптивное поведение, маргинальность, гениальность, социализация и индивидуализация, интеллигенция, культура, антропологическая оптика, культурно-аналитический подход не только выявляет их междисциплинарный статус, но и осуществляет семантическую дифференциацию понятий. В данной статье мы продемонстрируем это на примере категории «культура».

Нами была предложена модель различения смыслов посредством добавочных слов-характеристик: выделение общеродового понятия «культуры» как противоположенной «природе» – *культура-ноосфера*; название *культуры-этноты* для характеристики исторических, этнических и национальных культур; *культуры-психотехники*, подчеркивающие аспекты конструирования культурно-исторических реальностей (например, «культура полезности» и «культура достоинства», описанные А.Г.Асмоловым); *культуры-миры* как идеальные модели, сконструированные для решения конкретных исследовательских задач и т.д. Также нами предлагался анализ культуры в качестве среды или потока развития [Гусельцева, 2007]. Подобная дифференциация культурно-психологических реальностей позволяет не только отразить многообразие смыслов культуры, значимых для психологии, но и обнаружить, например, что *etic* и *emic* подходы (К.Пайк) представляют собой разные уровни анализа культуры, подразумевающие как различные теоретические модели, так и трактовки понятия. Методологические установки универсализма и релятивизма, объективизма и герменевтики обнаруживают подвижные диапазоны применимости в зависимости от предполагаемой культурной модели. Выделение же пластов культуры посредством аналитического различения смыслов позволяет объединить *etic* и *emic* подходы в мультипарадигмальную систему. Отметим, что аналогичный подход разрабатывался М.Фуко, использовавшим в исследованиях понятия дискурса (*discours*) и эпистемы.

Предлагаемая модель дифференцирует культурно-психологические реальности посредством сети понятий. **культура-ноосфера** есть культура в целом, в ее характеристике планетарности, космичности, общечеловеческий поток опыта, глобальное измерение, в котором протекает развитие человечества. Понятие **культуры-этноты** отражает историческое многообразие культур. Культуры-этноты – локальные жизненные миры, на которые распадается в своем развитии общий поток культуры. Понятие подчеркивает особенное: такие культуры хорошо поддаются «портретированию» (например, миры Египта, Тибета, Индии, Скандинавии, сконструированные в трудах дореволюционных историков культуры), вместе с тем сравнительный анализ уникальных культурных миров позволяет выделять типологические закономерности в их развитии. В качестве характеристики психотехнических этапов, переживаемых обществом в ходе его модернизации, предложено понятие **культуры-психотехники**. Культура здесь наиболее непосредственно соотносима с понятием и типами ментальности. Наконец, выделяются **культуры-миры** – идеальные типы, сконструированные в логике решения конкретных исследовательских задач. Так, в качестве идеальных типов были и описаны под углом зрения психологических задач культуры тоталитарные и гуманистические. В динамическом анализе между этими полюсами мы расположили переходные звенья – культуру падения, культуру покаяния и культуру воскрешения. Названия культур отражали суть психотехнических действий, осуществляющихся на этих переходных этапах людьми. Культурно-психологический анализ охватывает в целом три модели культуры: структурную, типологическую и динамическую [Гусельцева, 2007].

Заключение

Проследивая интеллектуальную традицию историко-генетического подхода в отечественной психологической науке, выделим его философские, общеметодологические и конкретно-научные источники. Среди философских источников могут быть названы не только работы Г.Спенсера, но и исследования философов-постпозитивистов, посвященные проблемам эволюционной эпистемологии (К.Поппер, И.Лакатос, П.Фейерабенд, С.Тулмин и др.). Конкретно-историческими источниками историко-генетического подхода служат преимущественно труды А.А.Потебни, И.М.Сеченова, Л.С.Выготского. В наиболее методологически отрефлексированной версии историко-генетический подход был разработан М.Г.Ярошевским и продолжает жить в современных исследованиях под руководством Т.Д.Марцинковской [Марцинковская, 1994, 2012].

В постнеклассической познавательной ситуации, ориентированной на мультипарадигмальность, историко-генетический подход продуктивно сочетается с культурно-аналитическим подходом, выводящим на передний план категорию культуры и разрабатывающим методологический инструментарий культурно-психологического анализа. Культурно-аналитический подход, строящийся на философском и общенаучном уровнях методологии науки в горизонтах антропологического поворота гуманитарных наук, культурно-исторической эпистемологии и постнеклассического идеала рациональности, может быть спроецирован в психологию в качестве исследовательской программы, позволяющий осуществить интеграцию разрозненных фрагментов культурно-психологического знания, выполненных в русле самых разных интеллектуальных традиций и научных школ.

Таким образом, культурно-аналитический подход превращает фрагментированные культурно-психологические исследования в культурную психологию и психологию культуры посредством методологической оптики постнеклассического типа рациональности. Среди свойств постнеклассической методологии могут быть выделены: мультидисциплинарность, сочетание гуманитарных и естественнонаучных подходов, универсального и уникального анализа, макроаналитических и микроаналитических стратегий. Именно постнеклассическая рациональность, стимулирующая открытость дисциплинарных и теоретических границ, парадигмальную толерантность, заимствование методологического инструментария смежных наук, использование метафорических конструктов и «расширение методологических принципов» [Сергиенко, 2012], становится поддерживающей интеллектуальной средой для взаимного обогащения историко-генетического и культурно-аналитического подходов.

Литература

Асмолов А.Г. Психология личности. М.: Моск. гос. университет, 1990.

Бауман З. [Bauman Z.] Текущая современность. СПб.: Питер, 2008.

Бенедикт Р. [Benedict R.] Хризантема и меч: Модели японской культуры. М.: РОССПЭН, 2004.

Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса. В кн.: Собр. соч.: в 6 т. М.: Педагогика, 1982, 1, 291–436.

Выготский Л.С. История развития высших психических функций. В кн.: Собр. соч.: в 6 т. М.: Педагогика, 1983, 3, 5–328.

Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М.: Педагогика-пресс, 1993.

Гинзбург К. [Ginzburg C.] Мифы – эмблемы – приметы. Морфология и история. М.: Новое издательство, 2004.

Гусельцева М.С. Антропологическая оптика в психологии и гуманитаристике. Вопросы психологии, 2012. No. 5, 3–18.

Гусельцева М.С. Культурная психология. М.: Прометей, 2007.

Гусельцева М.С. Культурно-аналитический подход в психологии и методологии гуманитарных исследований. Вопросы психологии, 2009, No. 5, 6–26.

Гусельцева М.С. Культурно-психологический анализ феномена «интеллигенция». В кн.: Марцинковская Т.Д. (Ред.). Структура и содержание идентичности Российской интеллигенции. СПб.: Нестор-История, 2012а, 117–168.

Гусельцева М.С. Психология и история: от макроанализа – к микроанализу. Психологические исследования, 2010, No. 2(10), 10. <http://psystudy.ru>

Джерджен К.Дж. [Gergen K.J.] Движение социального конструкционизма в современной психологии. В кн.: Социальная психология. Саморефлексия маргинальности. М.: ИНИОН РАН, 1995, 51–73.

Зинченко В.П. Трубка Мамардашвили и посох Мандельштама: К началам органической психологии. М.: Новая школа, 1997.

КоулМ. [ColeM.] Культурно-историческая психология: наука будущего. М.: Когито-Центр, ИП РАН, 1997.

ЛатурБ. [Latour Br.] Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Европ. университет, 2006.

ЛекторскийВ.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Леонтьев А.А. Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). М.: Смысл, 2001.

Лимонов Э.Священные монстры. М.: Ad Marginem, 2004.

Лурия Е.А. Мой отец А.Р.Лурия. М.: Гнозис, 1994.

Лурия А.Р. Психология как историческая наука. В кн.: Поршнев Б.Ф. (Ред.). История и психология. М.: Наука, 1971, 36–62.

Марцинковская Т.Д. Российская ментальность и ее отражение в науках о человеке. М.: Блиц, 1994.

Марцинковская Т.Д. Историко-генетический подход: методология и практика. Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования, 2012, No. 2, 7–19.

Ницше Ф. [Nietzsche Fr.] Сочинения в 2 томах. Т. 2. М.: Мысль, 1990.

Петровский А.В. Возвращаясь к В.А.Вагнеру. Психологический журнал, 1993. No. 2(14), 95–105.

Поппер К. [Popper K.] Объективное знание. Эволюционный подход. М.: Эдиториал УРСС, 2002.

Потебня А.А. Мысль и язык. Киев: СИНТО, 1993.

Потебня А.А. Слово и миф. М.: Правда, 1989.

Сергиенко Е.А. Принципы психологии развития: современный взгляд. Психологические исследования, 2012. No. 5(24), 1. <http://psystudy.ru>

Спенсер Г. [Spencer H.] Автобиография. СПб.: Просвещение, 1914.

Спенсер Г., Циген Т. [Spencer H., Ziehen Th.] Ассоциативная психология. М.: АСТ, 1998.

Стёпин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Тулмин С. [Toulmin St.] Человеческое понимание. М.: Прогресс, 1984.

- Успенский Б.А. Структурная типология языков. М.: Наука, 1965.
- Шпет Г.Г. Психология социального бытия. М.: Институт практ. психологии, Воронеж: МОДЭК, 1996.
- Эткинд А.М. Эрос невозможного: История психоанализа в России. СПб.: Медуза, 1993.
- Эткинд А.М. Еще о Л.С.Выготском: Забытые тексты и найденные контексты. Вопросы психологии, 1993а, No. 4, 37–55.
- Ярошевский М.Г. Без истории методология пуста. Вопросы психологии, 1995. No. 4, 141–146.
- Ярошевский М.Г. Выготский в поисках новой психологии. СПб.: Междунар. фонд истории науки, 1993.
- Ярошевский М.Г. Историческая психология науки. СПб.: Междунар. фонд истории науки, 1995.
- Ярошевский М.Г. Л.С.Выготский и марксизм в советской психологии. Психологический журнал, 1992, No. 5, 4–99.
- Ярошевский М.Г. Наука о поведении: русский путь. М.: Институт практ. психологии, Воронеж: МОДЭК, 1996.
- Ярошевский М.Г. Сеченов и мировая психологическая мысль. М.: Наука, 1981.
- Ярошевский М.Г. Социальные и психологические координаты научного творчества. Вопросы философии, 1995. No. 12, 118–127.
- Ярошевский М.Г. Философско-психологические воззрения А.А.Потебни. Известия Акад. наук СССР: Серия истории и философии, 1946, No. 2(3), 145–155.
- Carpay J.A. The meaning of Vygotsky's work for the educational sciences. Handelingen, 1987, 1(1), 5–24
- Epstein M. PreDictionary: Experiments in Verbal Creativity. New York: Franc-Tireur USA, 2011.
- Miller J.G. Cultural psychology: Implications for basic psychological theory. Psychological Science, 1999, 10(2), 85–91.
- Naiman E. Sex in Public: The Incarnation of Soviet Ideology. Princeton: Princeton University Press, 1997.
- Scribner S., Cole M. The psychology of literacy. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1981.
- Shweder R. Cultural psychology: What is it? In: Goldberger N.R., Veroff J.B. (Eds.), The culture and psychology reader. New York: New York University Press. 1995, 41–86.
- Shweder R.A. Thinking Through Cultures: Expeditions in Cultural Psychology. Cambridge: Harvard University Press, 1991.
- Wertsch J.V. Keys to cultural psychology. Culture, Medicine and Psychiatry, 1992, 16(2), 273–280.
- Wertsch J.V., Tulviste P. L.S. Vygotsky and Contemporary psychology of development. Developmental psychology, 1992, 28(4), 548–557.

Примечания

[1] Новая книга философа, культуролога и литературоведа М.Н.Эпштейна «PreDictionary» («Предречник») полностью построена на принципе терминотворчества, поскольку представляет

собой составленный автором глоссарий слов, которых еще нет в языке, но которые по законам языка могут быть сконструированы. М.Н.Эпштейн называет эту деятельность языкотворчеством (например, сам автор является изобретателем таких понятий, как «видеология» и «видеократия» – сконструированными по аналогии с «идеологией» и «идеократией», но подчеркивающими возникновение новой культурно-психологической реальности, в которой визуальность доминирует над идеологией) [Epstein, 2011].

Поступила в редакцию 30 ноября 2012 г. Дата публикации: 20 февраля 2013 г.

Сведения об авторе

Гусельцева Марина Сергеевна. Кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник психологии подростка, Психологический институт Российской академии образования, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, 125009 Москва, Россия.

E-mail: mguseltseva@mail.ru

Ссылка для цитирования

Стиль psystudy.ru

Гусельцева М.С. Взаимосвязь культурно-аналитического и историко-генетического подходов к изучению социализации и становления идентичности в психологии. Психологические исследования, 2013, 6(27), 2. <http://psystudy.ru>

ГОСТ 2008

Гусельцева М.С. Взаимосвязь культурно-аналитического и историко-генетического подходов к изучению социализации и становления идентичности в психологии // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 27. С. 2. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n27/777-guseltseva27.html>

[К началу страницы >>](#)